

Романы о бандитской любви

ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ

ЦЕНТРОВАЯ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

В оформлении обложки использована иллюстрация:
© amid999 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Колычев, Владимир Григорьевич.
К60 Центровая / Владимир Колычев. — Москва :
Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-112372-7

В конце восьмидесятых Слава Кречетов получил срок за драку, а когда вышел на свободу, совершенно не узнал родного Панфиловска. Жизнь тихого провинциального городка кардинально изменилась. Строительство коммунизма больше не заботило горожан. Спекуляция, стрелки, рэкет и разборки — вот чем теперь жила малая родина. Метаморфозы будоражили кровь, запах свободы пьянил, и Кречет ринулся в самую гущу событий, в самое «пекло жизни». Он вступил в местную преступную группировку, влюбился в самую красивую девушку района и начал новую, отчаянную жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В. Г., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112372-7

ГЛАВА 1

Старая фабричная труба указующим перстом вонзалась в небо, прокалывала и вспарывала утробы низко плывущих облаков, из которых на землю сыпался холодный мелкий дождь. Высокий бетонный забор с колючей проволокой поверху отделял старый пятиэтажный дом от швейной фабрики. Со двора хорошо было видно темно-красное здание цеха с шиферной крышей. Фабрика — промышленная зона, дом — жилая. Все точно так же, как в колонии общего режима, откуда я сейчас и возвращался.

За последние три года много изменилось — мои родители развелись и разъехались. Мама осталась в Ярославле, а отец перебрался в Панфиловск, маленький городок, расположенный неподалеку от Москвы.

В Ярославле я уже был. У мамы новая семья. Ее теперешний муж меня терпеть не мог, хотя первое время и пытался это скрывать. Понять Евгения Севастьяновича можно: я уголовник, а у него дочь, так сказать, на выданье. Катя, мягко говоря, красотой не блистала, замуж ее никто не брал, но лучше пусть она в девках пропадет, чем достанется мне. Такая вот

логика у мужика. А у меня свои понятия о жизни — на дураков не обижаются, их игнорируют или даже презирают.

Евгения Севастьяновича я послал в известное место. Куда сложнее дела обстояли с институтом, откуда меня отчислили три с половиной года назад. Пока не снимут судимость, о восстановлении не могло быть и речи. Уголовное прошлое ставило крест на моей судьбе, и мне ясно дали это понять.

Я любил свой родной город, но вынужден был отсюда уехать. Евгений Севастьянович раздражал меня сам по себе, к тому же он спал с моей мамой. Я никогда с этим не смирюсь, значит, когда-нибудь сорвусь!.. Мужик он здоровый, кряжистый, но шансов против меня у него нет. Если я взбешусь, то припомню ему все. А возвращаться за колючку желания не было, поэтому я и подался к отцу, сюда, в Панфиловск. Да и бабушку хотелось увидеть.

Расчет у меня простой: понравится — останусь, нет — буду что-то думать. Мне уже двадцать два года, я совершенно взрослый человек и физической работы не боюсь. В зоне я освоил профессию каменщика и маляра. Сначала мы цех в промзоне строили, потом — дачу начальнику колонии и дом для его высочайшего приятеля. Наймусь куда-нибудь на шабашку и буду калымить.

Из дома, проклиная судьбу и погоду, вышла родная женщина в сером плаще, раскрыла зонт, вжала голову в плечи и засемила в сторону фабрики. Рабочий день давно уже начался, но, может, ее ждет вторая смена.

Мне на работу не нужно, и дождь меня ничуть не пугает. Зонта у меня нет, голова мокрая, туфли про-

текают, носки хоть выжимай, но ведь это не смертельно. Страшно было, когда меня отправили в следственный изолятор. Общая камера там показалась мне адом. Вот когда я готов был проклясть и себя, и свою судьбу. Но ничего, выжил и вышел на волю. Сейчас для меня даже сквозь темное ненастное небо светило солнце свободы.

Женщина прошмыгнула мимо, даже не глянув на меня. Это была бабушкина соседка, которая меня не узнала. Оно и не удивительно. Мне было тринадцать-четырнадцать лет, когда я в последний раз гостил у бабушки Вари. Я вырос, возмужал и, возможно, даже заматерел. В тюрьме люди меняются, причем далеко не в лучшую сторону.

Я открыл дверь в подъезд, и тут мне навстречу из подвала вывалился рыжеволосый бугай, от которого неприятно пахло потом и мочой. Впрочем, кого-кого, а меня такие вот ароматы и бешеные глаза в ступор давно уже не вгоняют.

Дверь из подвала открывалась в небольшой тамбур, в который входил и я. Кто-то из нас должен был подвинуться. Я собирался уступить дорогу этому бугаю, пышущему здоровьем и наглостью, но тот пер на меня слишком уж быстро. Я просто не успел посторониться. Он толкнул меня могучим плечом. Пытаясь смягчить удар, я повернулся к стене, при этом слегка коснулся ее спиной и локтем. Побелка наверняка пристала к мокрой одежде.

Наученный горьким опытом, я промолчал. Бугай промчался мимо, прямо как паровоз по накатанным рельсам. Все бы ничего, но вслед за ним из подвала вышла юная шатенка с короткой стрижкой. Старая болоньевая куртка, юбка из вареной джинсы, черные

запыленные колготки, разбитые сапоги на толстом каблуке. Одежда тяжелая, с чужого плеча, но, как это ни странно, девушка в ней выглядела изящно. Во всяком случае, мне так показалось.

Черты лица у нее интересные, вроде бы резковатые, грубые, но при этом красивые. Будь они хоть на йоту поглубей, девушка показалась бы мне страшенькой, и я даже не задержал бы на ней взгляд. Но она мне очень понравилась.

Я не хотел пасть в ее глазах и бросил в вдогонку бугаю:

— Козел!

Мой голос прозвучал негромко, и все-таки он меня услышал.

— Что ты сказал?! — Рыжий здоровяк ошалел от возмущения и резко развернулся ко мне.

Мне не хотелось доводить дело до конфликта, но теперь выбор у меня был невелик: принять бой или позорно ретироваться.

Я отступил назад, но только для того, чтобы лишиться бугая маневра. Я шагнул в глубь подъезда, в узкое пространство между батареей парового отопления и стеной, за которой находился спуск в подвал. Рыжий широк в плечах, и ему здесь будет тесно. Зато я знал, как вести бой в такой ситуации, и умел это делать.

Но тут из подвала вышел какой-то парень. Он встал на пути у рыжего, остановил его, схватил за грудки и вытолкнул из подъезда.

— Ты кого послал, морда? — услышал я возмущенный рев.

Парень был чуть пониже бугая, не такой широкий в плечах, но это его ничуть не смущало. Он ударил

рыжего головой в лицо, затем — локтем в живот, после чего согнул его пополам и врезал коленкой в нос. Работа быстрая, точная и сокрушительная.

В чужие разборки лезть не принято. Я должен был отвалить в сторону, но ведь это у меня отбили жертву, а не наоборот. Я не хотел связываться с рыжим, но на бой все-таки настроился, а тут вдруг какой-то лев перехватил у меня барана. Как тут не возмутиться?..

Я стоял в тамбуре и через распахнутую дверь смотрел, как светловолосый скуластый парень втоптывал в грязь моего обидчика. Я настолько увлекся зрелищем, что даже забыл о заманчивой шатенке.

Зато она не упустила меня из виду и звонко крикнула:

— Ну и чего уставился?

Блондин остановился, обернулся на голос, увидел меня. Рыжий лежал на боку, закрывая лицо руками, а живот — коленями. Он был растоптан и морально, и физически.

— Ты кто такой? — обращаясь ко мне, свирепо спросил блондин.

Молодой, вряд ли больше двадцати. Жилистый и мощный, огнеупорный и взрывоопасный. Шелковистые волосы, пронзительные голубые глаза, правильные черты лица, чистая кожа, ладная фигура. Таких красавчиков на зоне называют сладкими пряниками. Там, как правило, находятся озабоченные, но этот вряд ли дался бы на зубок — не тот у него склад характера. Взгляд жесткий, хищный, на лице злость и непреодолимая уверенность в своих силах.

Я устал, промок, замерз. Мне нужно было домой — отогреться, выпить и лечь спать. На подвиги меня совершенно не тянуло, но и назад уже не по-

вернуть. Не в свое дело я влез, и раз уж с меня собираются за это спросить, то придется ответить. А за кулаком я в карман не лезу.

Я молча наблюдал за блондином. Мне нельзя было отвечать на его установочные вопросы. Это признак слабости. В таких случаях, как сейчас, нужно выждать и бить в ответ на удар или оскорбление.

— Ты что, глухой?

Парень нарвался на мой взгляд волка, готового к драке, на миг задумался, решил не сбавлять обороты и шагнул ко мне.

Он и меня мог схватить за грудки. Лоб у него массивный, кость толстая. Судя по всему, бить он умел и любил.

Я не знал, чем эта встреча для меня закончится, и вдруг услышал за спиной женский голос:

— Что здесь такое?

Я узнал его. Неужели бабушка?.. Она у меня женщина боевая, деда моего, царствие ему небесное, держала в ежовых рукавицах.

— Да ничего! — буркнул блондин и отступил.

Он не захотел связываться с женщиной или же в моей бабушке увидел повод, позволяющий ему отступить от меня. Я, может, и не амбал по своей наружности, но и в хлюпиках никогда не числился. Да и страшные глаза в зоне делать научился. Жуткий взгляд на прочном фундаменте из уверенности в себе — отличный аргумент в споре с такими крутыми парнями, как этот. А ударить я мог очень больно, даже ногами в живот.

— А ну давай отсюда, пока я в милицию не позвонила!

Блондин сдал назад, шатенка нырнула обратно в подвал. Один я остался стоять на месте.

— А ты что, глухой?

Бабушка взяла меня рукой за плечо, развернула на себя. За последнее время она очень постарела, осунулась, стала меньше ростом, но глаза были прежними — живыми, молодыми. Они тут же увлажнились.

— Слава! — Голос ее дрогнул.

Она чуть нагнулась, поставила на ступеньки ведро с мусором, жадно вцепилась в меня руками. Я обнял ее, она пустила слезу, расцеловала меня и потянула за собой домой.

— А я как чувствовала, что ты где-то здесь, — открывая дверь, дрожащим от волнения голосом сказала бабушка.

В квартире пахло травами и простоквашей. Тихо, тепло, уютно тикают часы с кукушкой.

— Отец где?

— Да на работе, где ж еще. — Она вздохнула непонятно почему. — Какой ты мокрый! Я сейчас ванну тебе сделаю!

Она открыла дверь в ванную комнату и вдруг замерла на месте, глядя куда-то в потолок.

— А ведро где?

Оно так и осталось в подъезде.

— Бабуля, ты давай с ванной порешай, а я схожу.

Как ни крути, а я дал слабину, отступив без боя. Сам ушел или бабушка меня увела — это совсем не важно. Раз уж выпал случай вернуться, то упускать его нельзя.

«Будь что будет», — думал я, переступая порог.

Я нашел ведро, сходил к мусорным бакам, но ни с кем из шумной троицы по пути не встретился. Дверь в подвал была закрыта изнутри. Видно, дети

подземелья дыхнули свежего воздуха и вернулись обратно.

Я не знал, чем они там занимаются, и не стал бы ломать над этим голову, если бы не шатенка. Ее лицо стояло у меня перед глазами — темные брови вразлет, прямой точеный нос, пухлые губы!.. Я не знал, чья это девчонка. Но если она раньше крутила с рыжим, то теперь расклад, скорее всего, изменился. Блондин и круче, и симпатичней. Может, она сейчас целуется с ним в затхлом подвале при свече?

Я три года не был с женщиной. Мысли о сексе неотступно преследовали меня, то разгорались в зависимости от настроения, то притухали. С этой шатенкой я закувыркался бы до потери пульса, если бы имел такую возможность. Генератор сексуального излучения работал в ней на полную мощность. Но в ней было и что-то другое, отчего в голове вихрились волнующие токи. Прежде всего я видел в ней человека, а потом уже женщину, которая могла бы снять мое напряжение. Вопрос только в том, какой она человек. Может быть, шлюха законченная?..

Бабушка вышла мне навстречу, со второго этажа сопровождала на четвертый. Взволнованная, встревоженная.

— Что случилось? — спросил я, когда за нами закрылась дверь.

— Так про иродов же вспомнила! — Она всплеснула руками. — Ты же с ними сцепился, а я не поняла.

— Это ты о чем?

— Сам знаешь!.. От них всего можно ждать. Я и к участковому ходила, добилась, чтобы подвал закрыли, а все бесполезно. Эти тараканы так и ползут туда. Спасу нет!

— А чем они тебе мешают?

Теперь я понимал, почему блондин не захотел связываться с бабушкой. Да и шатенка тихонько исчезла с ее появлением. Неплохие они, значит, ребята, если не лезут на рожон. А может, вынуждены бояться всего и вся, раз уж такие смирные. Наверное, натворили дел и ждут, чем все это закончится.

— Да как же не мешают! А если трубу в подвале сломают и мы без воды останемся?

— Это все? — спросил я, вспомнив, как блондин избивал рыжего.

Если они каждый день устраивают такой вот разгул, тогда не только участковый, а все местные менты должны на уши встать.

— Как это все? А на тебя кто сегодня полез?

— Может, я такой, что неприятности к себе притягиваю?

Я снял верхнюю одежду, зашел в ванную. Потолок здесь потемнел от сырости, а в углах и вовсе почернел. Кафельная плитка местами отвалилась, лампочка под потолком висит без абажура, светит блекло. И все-таки здесь во сто крат лучше, чем в зоновской бане, которую назвать так можно только очень условно. Я расслабился в тишине. Чертовски приятно было ощущать, как тепло от горячей воды подбиралось к холодным костям.

Я на самом деле притягивал неприятности. Это у меня еще с детства. Как пошел куда в одиночку, так и нарвался на люля-кебаб. Не всегда, конечно, но случалось. Да и в школе я дрался чаще других. Вроде бы и не цеплял никого специально, не задирался, но на пятачке за спортзалом частенько становился гвоздем программы. Слабаком я не был, мальчиком для

биться — тем более. Все девчонки в классе почему-то хотели дружить со мной, а не с теми, кто их домогался. А ревность, она бывает с кулаками.

В десятом классе поводов для ревности стало еще больше, но меня уже никто не трогал. Тогда я был чемпионом области в полутяжелом весе и даже взял четвертое место на союзном первенстве по боксу. А еще на карате подсел.

И в институте я схлестнулся из-за девчонки. Мы были на студенческой дискотеке. Кто-то принес ядреную бормотуху, которая отключила голову, переместила мыслительные функции в бесстыжий пере-док. И я этим местом думал, и она.

Проснулись мы с ней в одной постели. Я в трансе, Лиля в шоке. Я-то плакать не стал, а она ударилась в слезы, а потом рассказала все своему парню. Тот бросился на меня с кулаками, а я сдуру крутанул вертушку, решил вдруг проверить ее эффективность в реальном бою. Пяткой в висок его и припечатал, причем от всей души.

Пацана еле откачали, к тому же он еще и ослеп на один глаз. Прокуратура возбудила уголовное дело. Ректор своим приказом отчислил меня из института, а суд отвесил мне три года условно.

Увы, но на этом история не закончилась. Ново-испеченный калека решил отомстить, подговорил своих дружков. Меня подкараулили ночью в темном месте. Лупили сильно, сломали нос и отбили печень. Я кому-то попал в кадык, и одним инвалидом в стране стало больше.

Мои условные три года трагически трансформировались в реальный срок. Я отбыл его от звонка до звонка, хотя и была возможность освободиться до-

срочно. Ее сломал один лагерный придурок, который попытался самоутвердиться за мой счет. Я заехал во взрослую зону молодым и смазливym пареньком.

Яша Балаган решил надо мной покуражиться, закрутил вокруг меня карусель, сам же с нее и слетел — в санчасть с двойным переломом челюсти. Ему бы оставить меня в покое, так нет, через год он снова наехал. Яша подкачался, набил кулаки, поставил удар. Зуб мне, скотина, вышиб, яйца отбил. Но я снова сломал ему челюсть, победил в том бою нокаутom, безоговорочно.

Увы, Яша не успокоился, стал готовиться к реваншу, но и я даром время не терял. Последний наш бой закончился моей победой, которая обернулась поражением. Из-за этого поединка начальник оперчасти завернул мое досрочное освобождение. Я остался в зоне, в то время как Яша откинулся по звонку через месяц после боя.

Разве я не притягиваю неприятности?

ГЛАВА 2

Вечером — водка, утром, на поправку здоровья — пиво. Вчера мы с отцом опохмелились с продолжением. Сегодня день тоже задался, потому что мы заранее позаботились о трехлитровой банке «Жигулевского». Деньги у нас есть, а отцовская знакомая работает в магазине. Она сама вынесет ему любой заказ, причем по госцене.

Пиво не совсем свежее, но такое холодное и очень легко пьется! стакан почему-то норовил выскользнуть из руки, упасть на пол и разбиться. Тут ополовиненная банка вдруг каким-то чудом переместилась